

Трансформация социальных форм и социокультурные аспекты развития России в XX веке

Марина Викторовна Малыгина

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск

<https://doi.org/10.24132/ZCU.PROFILINGUA.2021.52-62>

Рубеж XX – XXI вв. связан с процессами глобализации всего мира. Глобализация предполагает переход человечества к новой эпохе, точнее к «общечеловеческой» культуре и цивилизации планетарного масштаба. Однако с каждым днем современный мир все более убеждается, что установки материальной цивилизации сами по себе не способны не только вывести человечество на новый уровень совершенства, но и просто не гарантируют сохранения жизни на Земле.

На этом фоне актуализируются проблемы духовно-нравственных оснований развития мировой цивилизации. Актуализация духовно-нравственного фактора эволюции человека и общества в современном мире нуждается во всестороннем философском осмыслении, включая всеобщие, особенные и частные формы его проявления.

Необходимо осмыслить истоки, приведшие Россию к социально-экономическому, а шире к цивилизационному кризису. Кризисы, переживаемые Россией на рубеже XX–XXI вв., являются порождением духовных-нравственных и прежде всего

философских поисков. Мы исходим из того, что кризисы связаны, прежде всего, с изменением нравственных позиций индивида и общества. Обществом утеряно понимание духовности как определенных нравственных поведенческих правил, что негативно сказывается на социально-экономическом, а также социокультурном развитии России.

Актуальность исследования обусловлена реальными процессами в обществе, объективно (на уровне национальных интересов России) и субъективно (на уровне эмоционально-психологического восприятия бизнеса населением РФ), требующими смещения акцентов с функционально-управленческой проблематики бизнеса на его ценностные, духовно-нравственные мотивации, которые материализуются и реализуются в социальных формах бизнеса.

Рассмотрим методологические подходы к вопросу трансформации категории «социальная форма». Это связано с тем, что социальные формы развиваются и влияют на изменение ценностей в обществе. Под трансформацией мы будем понимать качественно новое состояние организации общества, связанное с изменениями социокультурных ориентиров общественного развития.

Социально-экономическое развитие характеризуется изменением системы культурных ценностей, на которых покоится экономика. Упадок экономики в России с конца 80-х годов XX века обусловлен и подготовлен ходом духовно-нравственного развития: кризисом в области смыслов и ценностей [8,9,10]. Как справедливо отмечает Э. Тоффлер: «Сегодня во всем мире [существует] отчетливое осознание, что прогресс не может более выражаться только в технологии или материальных стандартах жизненного уровня. Социальный строй, в котором эстетические нормы, политика или окружающая среда деградируют, не является прогрессивным, каким бы богатым или технически изощренным он ни был» [15, С. 475].

В современной науке существуют различные подходы в изучении трансформации. В русле социальной теории проблему трансформации социальных форм изучал К. Маркс, а в наше время изучают такие авторы, как К.С. Пигров, В.Е. Кемеров,

Н.С. Розов, Ю.М. Резник. Приведем различные представления о социальной реальности.

Интересным, на наш взгляд, является подход К.С. Пигрова. Автор выделяет две формы социальной реальности: пространство и время. Он рассматривает пространство и время как экстенсивную и интенсивную формы бытия, т.е. пространство есть расположение одного рядом с другим, а время – последовательность одного после другого [7, С. 80]. По мнению К.С. Пигрова, социальное бытие порождает свои формы. Автор обращает внимание на то, что разнообразные социальные формы позволяют выстраивать общество как целостную иерархическую систему [7, С. 87].

В итоге делается вывод о том, что социальная реальность связана с деятельностью и культурой, что представляется важным для нашего исследования.

В своей философской концепции В.Е. Кемеров характеризует социальное бытие как процесс сочетающихся и сменяющих друг друга деятельностей людей. В.Е. Кемеров считает, что социальное время фиксирует устойчивость социальных форм как их воспроизводимость, а пространство социальное представляет движение человеческого бытия в виде определенной координации людей, их действий, средств и результатов их жизненного процесса, в формах их непосредственно совместных взаимодействий [5, С. 65].

Ю.М. Резник в своей работе «Введение в социальную теорию», также как К.С. Пигров и В.Е. Кемеров, исследует социальную реальность, но уже с позиций системного подхода. Мы придерживаемся точки зрения Ю.М. Резника, заключающейся в том, что социум охватывает собой целостную совокупность институциональных форм социальности или глобальную организацию социального бытия людей, включая личностные, культурные и социально-организационные компоненты [11, С. 165]. В данной связи уместно обратить внимание применительно к нашему исследованию на такой аспект, как воспроизводство.

Таким образом, на основе взглядов Ю.М. Резника можно сделать вывод, что процесс трансформации идет через

воспроизводство социальных форм и культурных условий жизни людей.

Что касается Н.С. Розова, то он считает, что для изучения трансформации социальных форм необходимо использовать методы теоретической истории. Позиция автора подчеркивает, что резко вырос интеллектуальный потенциал подходов, методов, концепций, понятий, касающихся теоретического описания социальных систем и их исторического развития (см. перечни и обзоры этих подходов в работах Розова, 1995; Бентли, 1998; Сандерсон, 1998; Коллинз, 1998) [12, С. 412].

Без сомнения, главным элементом социосферы является способ бытия социальных форм. Как верно отмечает Н.С. Розов, этот способ заключается во взаимодействии следующих бытийных форм:

1. культурные образцы отношений между людьми (роли, ожидания, нормы, структуры, институты);
2. индивиды (как биологические тела);
3. психика, структурированная этими образцами;
4. элементы биотехносферы (ресурсы окружения и материальные блага) [12, С. 150].

Более того, социальные формы требуют соответствующего уровня развития особых культурных образцов.

Одним из элементов трансформации социальных форм служат динамические стратегии, предложенные Н.С. Розовым. Под динамическими стратегиями он понимает устойчивые комплексы поведения индивидов и групп в течение двух и более поколений [12, С. 183]. В данной связи уместно обратить внимание на стратегии экспансии социальных форм и культурные стратегии. На наш взгляд, данные стратегии за счет распространения социальных форм и культурных образцов способны формировать социокультурные ценности.

Проанализировав проблему трансформации социальных форм с позиций социальной теории, приходим к выводу, что трансформация связана с развитием социальных форм

и культурных образцов. Хотя авторы по-своему объясняют проблему трансформации, общим для них является то, что взаимодействие людей осуществляется через воспроизводство социальных форм и культурных образцов. По нашему мнению, трансформация социальных форм приводит к изменению социокультурных ценностей в обществе. Совершенно очевидно, что преобразование социально-экономической реальности в последние десятилетия выразилось в построении новой модели развития и взаимодействия социальных сил.

Как верно отмечает В.П. Плосконосова, и автор исследования разделяет эту позицию, трансформация возникла в результате изменения миропонимания, перевернувшего представления о человеке, обществе, государстве и их взаимоотношениях.

Вторая половина XX века была насыщена драматическими социальными трансформациями, радикально изменившими облик цивилизации. Пытаясь осмыслить эти масштабные перемены, философы, социологи, экономисты создали ряд оригинальных концепций, воссоздающих внутреннюю логику. Поэтому социальные формы в постиндустриальном обществе влияют на изменение ценностей.

Мы поддерживаем позицию Л.М. Марцевой о том, что хозяйственная деятельность мотивируется, кроме личных интересов и потребностей, духовно-нравственными и социальными потребностями [6, С. 174]. Поэтому экономический кризис характеризуется потерей нравственных ориентиров, интеллектуальной деградацией. Кроме того, кризисы не только меняют структуру экономики, но и одновременно меняют отношения людей к жизни, правила и нормы их поведения и, прежде всего, нравственные установки. Мы полагаем, что именно безнравственное поведение бизнеса, властей и граждан порождает кризисы. Кризис 1998 года характеризовался потерей моральных ориентиров, правил и норм поведения. Поэтому создание нравственной экономики возможно путем установления социокультурной связи между бизнесом и обществом. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что трансформация социальных форм, на наш взгляд, связана с необходимостью

формирования новой системы ценностей в России. Ценностные системы, определяющие поведение людей, противоречивы и выражают сложную связь социального, индивидуального, духовного и материального. Совершенно очевидно, что человек в эпоху постиндустриализма руководствуется сугубо экономическими расчетами, мотивами максимизации прибыли. Утрата людьми моральных ориентиров ведет к тому, что цели, еще недавно признававшиеся безусловно возвышенными, лишены сегодня жизненно важного смысла и значения. Так, З. Бауман замечает, например, что слава, всегда достававшаяся человеку в результате напряженного труда, сменяется теперь известностью, представляющееся не более чем одним из многих предметов потребления [4, С. 144]. Развитие цивилизованного бизнеса в России предполагает переориентацию общества на формирование высокой нравственной культуры.

Следует согласиться с мнением К.П. Стожко о том, что в условиях постиндустриального общества дегуманизация экономики связана с утратой культуры в хозяйственной деятельности людей, с возобладанием мотивов корысти, эгоизма, зависти [14, С. 331]. Поэтому в данной связи уместно подчеркнуть, что причина девальвации ценностных ориентаций в постиндустриальном обществе заключается в том, что в России на рубеже XX–XXI вв. оказалась вновь востребованной теория разумного эгоизма, декларирующая, что служение только себе оказалось единственно полезным делом для страны в целом.

Давая оценку предпринимательской деятельности в конце XIX – начале XX веков, Н.Н. Зарубина приходит к выводу, что в сознании общества предпринимательская деятельность оставалась эгоистичной и враждебной интересам основной массы населения и, самое главное, не оправданной никакими высшими ценностями. Даже филантропические начинания часто не получали поддержки и одобрения, поскольку за ними видели тот или иной корыстный интерес. Важно отметить, что период перестройки в России начался с символических трансформаций: ниспровержения ценностей и смыслов советского периода, утверждения нового символического кода, формирующего

картину мира, в которой предпринимательству отводилось место важнейшего символа нового общественного устройства.

Как отмечает А. Тоффлер, возникновение в постиндустриальной цивилизации новой, символической формы капитала, подтверждает идеи К. Маркса и классической политэкономии, предвосхитившие конец традиционного капитала [16, С. 61]. Поэтому, на наш взгляд, для осмысления процесса трансформации социальных форм, важно обратиться к категории «капитал».

Общеизвестно, что термин «капитал» по своей смысловой и прагматической нагруженности не ограничивается определениями экономических дисциплин. В форме же символического капитала все другие виды капиталов (экономический, культурный, социальный) воспринимаются и признаются легитимными. Более того, именно совокупность этих капиталов позволяет конституировать социальное пространство.

По определению П. Бурдьё, основу символического капитала составляет престиж, репутация, имя [1, С. 57]. Важно отметить, что в категории престижа отражены предпочтения членов данного общества, те значения, которые приписываются различным аспектам социальной жизнедеятельности, и символика, в которой они осмысливаются. В этой связи, на наш взгляд, интересной является оценка дефицита символического капитала у российского предпринимательства, данная в начале XX века С.Н. Булгаковым. Следует указать, что в середине XIX века в России встал вопрос целесообразности развития по индустриально-капиталистическому пути. В этой связи, еще С.Н. Булгаков считал, что для ускорения хозяйственного развития России необходимо признание обществом развития производительных сил как общенародного дела, в котором заинтересована вся нация, освоения хозяйствующими субъектами.

Однако к концу XIX века предпринимательство стало отходить от увлечений меценатством, коллекционированием произведений искусств и предметов старины, все больше сосредотачиваясь на техническом переоснащении предприятий и социальной деятельности. Как справедливо отмечает

исследователь русского купечества П.А. Бурыйшкін, среди предпринимателей было распространено убеждение, что они не только способствуют устройству материальной жизни, но и творят безусловное благо для народа, давая ему работу и возможность прокормить себя и семью. Когда говорили о крупном фабриканте, употребляли формулировку «около него кормится... столько-то человек». В сознании представителей делового мира не они наживались трудом рабочих, а рабочие пользовались их трудами [2, С. 56].

На западе же ситуация иная. В частности, в трудах М. Вебера прослеживается идея протестантской этики как духовной предпосылки капитализма на Западе. Духовной предпосылкой первичного формирования капитализма на Западе послужило не столько формирование «праведной» религиозной мотивации высокопрофессионального труда, накопления и предпринимательства, сколько возникновение особого типа рационализации.

М. Вебера о том, что этика каждой эпохи встроена в определенные образцы действия и может функционировать как внутренняя помеха становлению экономически рационального образа жизни. Более того, этика труда и рациональная установка даже рассматриваются по религиозным причинам в качестве морально обязательных. Именно это и сделало возможным дух капитализма [13, С. 673]. По мнению П.П. Гайденко, М. Вебер провел скрупулезное исследование, стремясь доказать, что именно религиозные убеждения, религиозная этика были основными стимулами развития капиталистической экономики [3, С. 39]. Следует обратить внимание на выделенный М. Вебером «идеальный тип» капиталистического предпринимателя: ему чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение того почета, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна... – известная аскетическая направленность, отчетливо проступающая в «поведеи» Франклина.

В России хозяйственная деятельность получала признание общества через те формы деятельности, которые были наиболее престижны и уважаемы и рассматривались как социально

значимые. Для России это всегда были духовное и культурное, а также социальное служение.

Как известно, в периоды социальных трансформаций символические системы в обществе претерпевают существенные изменения. Этот процесс происходил после революции 1917 года, в советское время, в период перестройки. Кроме того, символические трансформации подразумевают ниспровержение ценностей и смыслов, принятых в предыдущий период развития. Так, в конце 90-х годов XX века занятие бизнесом стало не только экономически, но символически выгодно, поскольку имело статус самой передовой формы деятельности. Однако в конце XX века в России утверждение идеологии потребительства, индивидуализма в бизнесе способствовало утрате коллективистских ценностей и десоциализации культуры, замыканию бизнеса в пределах собственных корпоративных интересов. Более того, и на современном этапе наблюдается дефицит символического капитала российского бизнеса, поэтому бизнесу пока не удастся показать свою причастность к социокультурным проблемам общества и продемонстрировать общую пользу от своей деятельности для общества.

Итак, обобщая вышеизложенное, приходим к следующим выводам. Трансформация социальных форм представляет собой качественно новое состояние организации общества с изменением социокультурных ориентиров общественного развития. В результате анализа концепция трансформации общества В.Е. Кемерова, Ю.М. Резника, Н.С. Розова в русле социальной теории определено, что социальная реальность связана с деятельностью и культурой. Выявлено, что экономические и социальные изменения тесно связаны и определяются уровнем развития культуры. Установлено, что трансформация социальных форм с позиций социальной теории связана с развитием социальных форм и культурных образцов и приводит к изменению ценностей в обществе. Одним из элементов трансформации социальных форм служат динамические стратегии. Данные стратегии за счет распространения социальных форм и культурных образцов способны формировать социокультурные ценности.

Таким образом, приходим к выводу, что в конце XX века в России утвердилась идеология потребительства, индивидуализма в бизнесе, что способствовало утрате коллективистских ценностей и десоциализации культуры, замыканию бизнеса в пределах собственных корпоративных интересов. Это привело к тому, что на современном этапе наблюдается дефицит символического капитала российского общества. Следовательно, влияние процесса трансформации социальных форм на социокультурное развитие общества связано с пересмотром системы ценностей предпринимательской деятельности, определяемой символическим капиталом.

Список литературы

- [1] Бурдые, П. (1993): *Социология политики*. Москва: Socio-Logos.
- [2] Бурьшкин, П. (1991): *Москва купеческая*. Москва: Современник.
- [3] Вебер, М. (1990): *Протестантская этика и дух капитализма*. Москва: Прогресс.
- [4] Иноземцев, В.Л. (2004): Зигмунд Бауман и его «индивидуализированное общество». In: *Высшее образование в России*. № 1. С. 142–145.
- [5] Кемеров, В.Е. (2004): *Социальная философия*. Москва: Академ. Проект.
- [6] Марцева, Л.М. (2007): Духовное измерение социально-трудовых отношений в России. In: *Русский экономический вестник – Екатеринбург–Ярославль–СПб*. № 6. С. 162–180.
- [7] Пигров, К.С. (2005): *Социальная философия*. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та.
- [8] Разумов, В.И. (1999): Философское самоопределение человека в экономическом универсуме. In: *Современное общество*. Вып. 1. С. 39–41.
- [9] Разумов, В.И. (2008): Новая эпоха и участие философии в интеллектуальной культуре. In: *Дискурсология: Методология. Теория. Практика*. Вып. 1. С. 45–50.

- [10] Разумов, В.И. (2007): *Философия и философы в меняющемся мире*. In: *Эпистемология и философия науки*. № 1. С. 62–64.
- [11] Резник, Ю.М. (1999): *Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология*. Москва: Наука.
- [12] Розов, Н.С. (2000): *Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика*. In: *Время мира: Альманах*. Вып. 1. С. 138–175.
- [13] Скирбекк, Г. (2001): *История философии: Учебное пособие*. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.
- [14] Стожко, К.П. (2002): *Экономическое сознание*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- [15] Тоффлер, Э. (1999): *Третья волна*. Москва: ООО «АСТ».
- [16] Toffler, A. (1990): *Power shift: knowledge, Wealth and violence at the end of the 21st century*. Oxford: Bantam books.